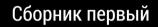
Бондарев Дмитрий

Плохое настроение и излишки героизма

Дмитрий Дмитриевич Бондарев Плохое настроение и излишки героизма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66566758 SelfPub; 2022

Аннотация

Данный небольшой сборник – результат плохого настроения и апатии, что накатывала на меня, когда погода менялась слишком резко в Сибири. Так появлялись небольшие произведения, описывающие либо мрачные события, либо мрачные вселенные. Сами же произведения – больше описания моих мыслей и отражают состояния в тот или иной период жизни.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Излишки героизма	10 14 19
Вечерние размышления.	

Дмитрий Бондарев Плохое настроение и излишки героизма

Все пошло не так

Они готовились несколько лет, общими силами собрали огромное количество средств, совместными силами вырыли котлован и построили бомбоубежище. Общими силами подготовили все внутри, проверив каждый миллиметр бетонных стен.

Но все пошло не так.

Началось с массированной бомбежки, о которой не было никаких оповещений. Северные районы разнесло, никто и среагировать не успел. И аэропорт разнесло, вместе с правлением города.

Все же, кто выжил и был готов, спешно отправились к убежищу, забрав с собой все, что могло потребоваться, таща через высокие сугробы своих чад. Все уже тогда были истощены.

Их долго всех пересчитывали и крайне медленно распределяли по комнатам. Благо места оказалось предостаточно, поскольку пришла лишь малая часть. А после, уже в бетонной коробке с ковром и тремя кроватями, он понял, что пришел один в убежище, хоть и выходила вся семья.

встречных, не обращая внимания на ругательства в свою спину. Один раз его поймал какой-то бугай, поднял за грудки, но, услышав «Один, они не дошли», что парень повторял, как мантру, увидев его взгляд, отпустил парня.

Соскочив, парень побежал через убежище, расталкивая

Все пошло не так.

но на него лишь косились, а после поймал его глава службы охраны, бывший служитель порядка, слегка потряс, а после спокойно произнес:

Он сорвался на бег, громко зовя своих родителей, деда,

 Успокойся. Ты видел, как они погибли. Пошли в дом, в который влетела бомба. Ну? Вспомни. И прекрати пугать людей.

Жестокая правда обрушилась на него потоком ледяной воды, вернув его в тело, а воспоминания в голову. Он обмяк, закрыл рот и, опустошенный и отрешенный, поплелся обратно.

Первая неделя прошла спокойно, все молча переживали то, что случилось. Вдовы утоляли голод со всеми, кому не лень, детей не выпускали в общий зал. Лишь он, как оторванный от общества, плелся вновь наверх, на третий уровень, где было тихо, чтобы вновь сесть у решетки вентиляции. Но в этот раз ее не было, кто-то активно перебирал ко-

нечностями в узком провале. Парню стоило сказать об этом охранникам, но он лишь закрыл решетку, не став защелкивать, а после убрался к другой шахте, сев там, вдыхая обо-

жжённый воздух улицы. Еще через неделю умер первый человек. Его порезало

шрапнелью, медботы подписали диагноз еще в первый день. Тело унесли в пустой склад, законсервировали в баке, чтобы из него получить удобрения для нижней оранжереи.

В этот день было очень тихо, и парень не стал подниматься наверх, где «новое место» ждало его разнообразными рисунками. Он отсыпался в своей постели, иногда слушая, как перешептываются его соседи, говоря тихо о странностях то-

го, кто не общался с ними, кто был один и не желал другого. Он не винил этих молодых, они никого не потеряли, хоть и жили в «общей». Их родители, родственники рады ежедневно встречать их в отдельных комнатах.

На следующий день раздался первый кашель. Это было странный, разрывающий чью-то глотку вой, сухой и сопящий хрип. Мужчина попросился в отдельную комнату, что была опечатана, вызвал медбота к себе. Тот после сообщил диагноз: неизвестно.

Это напугало всех без исключения, абсолютно все поняли, что грядет.

На следующее утро, сидя у шахты, он услышал в очередной раз этот хрип, но в этот раз звук резко оборвался, но этого почти никто не заметил.

Заметившие же сообщили куда нужно, к вечеру все вновь затихарились, все боялись двинуться с места. Медбот под-

твердил смерть. На консервирование вызвался древний дед, взял два бака, писталет, а после извинился за съеденную пищу. Он не вы-

шел.

Он очнулся от ужасного сушняка – казалось, в горле нет и намека на влагу, а кожа отслоилась. Хрипло прокашлявшись, парень застонал от резкой боли в голове. Вокруг была лишь тьма.

Заставив себя вслепую подняться, он пошел на выход, обо что-то запнувшись. В темноте, в звенящей тишине лишь шуршал мояк тревоги, изредка освещая основной зал, в котором никого не было.

Парень не замечал тел тут и там, проходя вперед в поисках воды. Он шел к складу с припасами. Отлично зная, что произошло, парень давно принял эту же участь. Убежище быстро срубило какой-то болезнью. Они все теперь не шумели. Не нужно было идти наверх.

Улыбнувшись самому себе, он прошел мимо комнат, где отцы, беря на себя смелость, «отпускали» свои семьи, выстреливая в себя последним. Мимо комнат, где сошедшие с ума начинали резать себя или других, мимо комнаты, где была когда-то детская. В самый конец зала, туда, где есть вода и тишина.

Он плелся из последних сил, не обращая внимания на тревогу проникновения. Это было неважно, ведь они пока не

шумели. А, добравшись наконец до воды, напившись, откашливаясь после двух-трех глотков, он вышел обратно, посмотрев наверх.

Туда, где в первой шахте кто-то так и не выбрался, не сумев и вниз спустится. Туда, где было раньше тихо, но теперь шуршал маяк тревоги.

Створка убежища раскрылась, в зал кто-то вошел. Его маску освещал планшет, на котором он делал какие-то пометки, пока парень стоял и смотрел на него.

Гость проходил все дальше, кидая в каждую комнату по светящейся палочке. Одну он попробовал кинуть наверх, на мостик, но не попал.

А после он наткнулся на парня, изможденного, дрыщавого паренька, кожа да кости. Он сильно хрипел, пытаясь закрыть костлявой кистью свое лицо от света. Его одежда была грязной, а ноги все покрыты кровавой коркой. Гость внимательно осмотрел парня, сделал несколько фо-

то со вспышкой, а после сделал пометку, в которой говорилось, что в трех процентах наблюдается аномалия в заболевании: вместо того, чтобы убить носителя, вирус поддерживал тело, лишь иногда заставляя его подняться и «напиться воды», что пока было не ясно.

Рабочим вариантом этого была необходимость в носителе, чтобы вирус не погиб вовсе. Потому, последний выживший являлся инкубатором. В состоянии покоя они были похожи на умерших.

Сделав третью ежегодную пометку о том, что инкубатор активен, он приказал законсервировать убежище до новой инспекции, а сам направился вслед за парнем, что вел гостя

в отдельное складское помещение, заполненное баками, которыми никто так и не стал пользоваться.

Излишки героизма

Громко зарычав, я выстрелил из пистолета, взорвав черепную коробку скаута. Пуля вошла в гранит пола, от чего плита дала трещину. Мой рык перешел на злобный вопль, я отбросил тушку в сторону. Герой смотрел на меня с ненавистью.

- Что, мальчик, подох твой план Б? Взбешенный, я с размаху ударил его смазливое личико, пустив геройскую кровь на землю. Убили моих людей, разрушили столько дорогостоящей техники и разворотили ворота! Куски говна! По смазливому личику пришелся второй удар, оставляя грубую ссадину с линией разрыва кожи. Какого черта вам тут вообще понадобилось!?
- Ты больше не будешь тварить... Хотел было начать свою проницательную речь паренек, но новый удар заткнул его.
- Вы больфе не будете, я такой бедный и отчаянный! Передразнил я его, сплюнув юному ублюдку под ноги. Что, мамаша не научила не лезть к взрослым дядям? Ах да, я ее, очевидно, изнасиловал и убил! Новый удар пришелся по его корпусу, выбив его дыхание.

Он потупил взгляд, упер его в гранит пола, стараясь прожечь дыру, очевидно. Отойдя от паренька, я дошел до туши его друга, перевернув хлюпающую кровью тушу. Достав небольшой переносной компьютер, я вызвал подручного и

- вручил ему девайс.

   Изучить, проверить на полезные данные. Оперативным
- изучить, проверить на полезные данные. Оперативным группам отдать необходимые приказы и выдать требуемое снаряжение. Как только подручный отправился с поручением, я вернулся к герою. Откуда вас, маргиналов, столь-
- ко? Я же приказал вас всех устраивать...

   Твоя тирания не должна существовать... Просипел он испуганно, глядя на меня. Такие как ты недостойны жизни!
  - испуганно, глядя на меня. Такие как ты недостойны жизни! – А ты, значит, удостоен? Как ты это определил? Кто тебе

вообще дал возможность определять тут достойных? – Новый удар заставил его застонать от боли, он повис, закован-

ный в наручники, вздернутый в зале. – У тебя ни потенциала, ни желания жить нормально! Разродился, выблядок, решил, что ты самый несчастный, раз нет у тебя мамочки, что подтирала бы смазливую жопу, а после набрал идиотов по

душе и оружия, дабы убивать!? Ты не просто маргинал, ты

- убийца, коим я при всем желании не стану!

   Из-за тебя она погибла... Из-за тебя погибла и любимая... Вновь начал он сипеть, не в силах поднять головы.
- Да что ты говоришь. Как удобно. Зашипел я. А после взял сводку по этому «герою». – Тринадцать разбойных на-
- падений, пять из которых на фермы. Множественные убийства и расправы над людьми. Каннибализм и насилие над невинными. И это только начало списка! Врезал от плеча папкой по его роже, а после выбросил сводку в сторону. Все

равно она забита в базу, если нужно будет, распечатаю.

- Это все во благо...
- Во чье благо!? В ваше!? Я пришел сюда, создал государство на пепелище ваших городов! Дал кров сотням тысяч! Рабочая структура, работа, возможности! А ты даже не попробовал получить бесплатное, твою мать, образование! Те-
- бе бы даже место жительства определили!

   Чтобы я работал на твою гнилую систему!? Я лучше подохну!

- О, не бойся, ты подохнешь. На глазах у всех. Под моно-

тонное озвучивание всех ваших преступлений. Но вначале я покажу тебе все смерти твоих соратников, что не додумались застрелиться, когда ваша атака захлебнулась. — Оскалившись, я подошел к нему и за волосы поднял моську, посмотрев в глаза. Он дрожал. Я был для него страхом во плоти. — А после буду восстанавливать то, что вы разрушили. И приносить соболезнования всем родственникам, чьих близких вы убили.

Врезав ему в последний раз, я отошел от парня. После поправил мантию и вызвал охрану. Подошли два амбала, навострив уши.

- Тушу в расход, парня в тюрьму до казни. Запись опубликую сам. Я потер глаза, вздохнув. Какой это по счету за последние пять лет? Седьмой?
- Да, сир, не считая тех, кто умер по собственной глупости.
  - Чем больше отдаешь им, тем больше они хотят поверх.

Сколько из вас не имеют родни?

- Большая часть, сир, но мы решили жить, а не умирать.
- Хорошие слова. Ладно, нужно продолжать. Пожав руку старшему по званию, я вышел из зала.

За последние пять лет народ стал мягким, больше обрыгам не бьют в зубы, люди все сильнее привыкают к спокойной жизни. И только такие вот само провозглашенные «герои», не желающие приложить и части сил на жизнь, портят всем кровь.

У кого-то в пьяной перестрелке убили отца или мать, у кого-то не вышло найти любовь не из наркоманок, кто-то просто считает себя мессией. И весь этот сброд всегда находит кого обвинить. Благо, большая часть убивается самостоятельно, либо умирает в перестрелках с уличной преступностью.

Я прибыл на эту планету пятнадцать сотен лет назад. И принялся работать над умирающей цивилизацией. Когда-то достаточно развитая государственность, к моему прибытию была погибшей, люди скатились в первобытность, грызя глотки самим себе.

Не то, чтобы я хотел поиграть в бога. Просто работа такая, цивилизации из жопы вытаскивать. Вот и эта, шатко да валко встает на свои лапы, поднимает голову. Вскоре можно будет оставить кого-нибудь наблюдать, да уйти от них, оставив легенду о «кошмаре», давшем им цивилизацию.

Вечерние размышления.

Привычно щелкнул замок зажигания, привычно закусило слегка выступающее вверх стекло, я слегка приопустил его, чтобы оно вошло в пас. Зажигание – и двигатель внутреннего сгорания прикрикнув заурчал, заставляя весь автомобиль сотрясаться. Я поехал проветриться перед сном, дабы очистить голову перед новой рабочей неделей.

Все было хорошо. В самом деле. Спокойствие, работа и дом, друзья и родственники. И мою голову морочили лишь мои собственные мысли и идиотские фантазии. От них я и хотел избавиться. Дабы со спокойствием и продолжать жить.

Так я по дороге из бетонных плит спокойно выехал на трассу, что проходила от края города до второго края. Если быть точнее, она проходила через жилые районы небольшого городка. Сейчас, в ночь с воскресенья на понедельник она была пуста. И лишь мое кольцо немного отвлекало меня, непривычно сидя на безымянном пальце левой руки.

Я остановился на перекрестке, колеса привычно скрипнули по песку. Ночью в пустошах можно спокойно было, а прохлада помогала пробираться от одного селения до другого. Ночь – это жизнь для нас.

Пользуясь моментом, я длинной трубкой постучал по воздушному фильтру моего багги, сбивая песок обратно на дорогу. После уселся обратно в жесткое кресло, чья обивка дав-

ложения. А пересобранный двигатель приятно урчал, двигая багги к поселению у древней дамбы, что теперь держала пески.

Старый тракт извивался подо мной, тут и там были вид-

но просела под мои формы, позволяя не искать удобного по-

ны остатки прежних жилищ и прочих строений, даже остовы заправок были на месте, где-то разобранные, где-то даже целые. Прошедшие катаклизмы не пожалели никого, но сейчас были времена спокойствия, и люди все больше приходили в себя.

За очередным резким поворотом я приземлил свой гра-

вибайк у магазина снаружи улья. Подумать только, когда-то тут был лишь небольшой городок. Сейчас же стоял один из крупнейших металлургических заводов старого мира. И под старым миром я имею введу именно землю. Поскольку люди уже давно населяли новые земли.

Отсюда открывался отличный вид на освещенные ульем пустоши, на лежащие за ними зеленые леса и те самые горы, что были тут всегда. Как ни странно, землю более не разрабатывали, а заводы работали на сырье с других миров и космоса в целом.

Хоть последний конфликт еще помнили старшие поколения, но все называли эти времена «историей», а то, что было сейчас в СМИ называли «расцветом». Потому мы могли спокойно позволить себе жить так, как нам хочется, а достижения науки и медицины позволяли старшим поколениям на-

энергетической настойки. После забрался обратно в багги. Подумав хорошенько, я вылез и закурил, затянувшись самосадом. Дым наполнил легкие, я спокойно выдохнул, позволяя никотину растечься по организму. Я вновь оглядел на уже восстановленные здания, где вновь жили люди, что бережно относились к такой возможности.

Покупки были невелики, пара бутылок воды, бутылка

зину, мимо завсегдатаев, я прошел в магазин.

сладиться и миром. Потому, улыбнувшись прохладе, я потер непривычно тревожащий безымянный палец, что я недавно заменил на «имплант художника», что позволял подключаться к компьютерам и оборудованию, чтобы управлять через данный интерфейс ими. Повернувшись наконец к мага-

бочку-мусорку, вернувшись к багги и вставив самодельный ключ в скважину зажигания. Заведя свою малышку, я сел и поехал спокойно обратно, по песчаным дорогам, мимо костров и палаток, мимо дизельных и бензиновых генераторов, что давали людям собственное электричество. Было даже несколько ламп освещения, что очень вдохновляли моло-

Выкурив половину самокрутки, я потушил ее о железную

же несколько ламп освещения, что очень вдохновляли молодых. Искусственный свет. Раньше такой был только в машинах и танках.

И вновь мимо заправок, мимо старых построек, к частному селению поодаль, где община спала перед новой рабочей неделей. Туда, где мой дом. Съехав с тракта, я поехал мед-

ленно по дороге, где старые остатки плит еще выглядывали

Встав на привычное место, я вышел на бетон под свет ламп, потянулся устало и вновь привычно поправил кольцо на безымянном пальце. Сам буквально час назад прочи-

из песка. Мимо старых кирпичных развалин, где почти ни-

чего не осталось уже давно.

цо на безымянном пальце. Сам буквально час назад прочитал, что так их носят художники и писатели, надеясь, что это поможет мне найти музу и избавиться от скуки, мешающей мысли и ворочающей сознание.

Стало и вправду легче. Я не знал, от поездки ли это или от выкуренной сигареты, но стало легче. Думаю, из-за всего сразу. Повернувшись же к машине, я открыл заднюю дверь и забрал пакет, в котором была газировка, энергетик же я

оставил в подстаканнике своей машине. Закрыл двери, привычно поставив окно передней двери на место. Зевнув, наконец, я привычно поставил машину на сигнализацию. Прошел к калитке, после к двери. Поднялся в свою комнату и сел за компьютер. Идея пришла еще в машине, а теперь улыбка отразилась на моем лице. И теперь я погладил кольцо, принимая идею, прочитанную еще час назад. Теперь

я чувствовал, что что-то есть в самой мысли, что на моем безымянном пальце такое простое украшение позволяло собраться с мыслями. В прочем, это могло быть и благодаря

выкуренной сигарете или свежему воздуху.
В любом случае, я был рад одному факту – я живу в спокойное время. И являюсь обычном человеком в обычное, спокойное время. Во время, когда я волен делать то, что хочу. К примеру, создавать свои миры...

Очень плохие новости.

Я сидел на пассажирском сидении большого внедорожника. Дорогого и комфортного. Его дизельный двигатель монотонно рычал, но этого почти не было слышно из-за играющей музыки. С другом мы уже почти не переговаривались, просто желая доехать последние десятки километров до дома. Собственно, извилистая отремонтированная дорога и солнечный, ясный вечер благоволили этому.

Мы ехали по двухполосной выделенной дороге, встречная полоса располагалась в отдалении, через большую полосу безопасности. Она слегка извивалась, поднималась вверх и вниз независимо от нашей полосы, демонстрируя то привлекательный вид сверху, то возвышалась, обнажая сточные трубы.

Посмотрев вновь на часы, я вернул свой взор на дорогу, где не было ни одной встречной машины, только пара попутных. И это не смотря на близость родного городка и других сел. Я нахмурился, обдумывая это.

- Как давно была последняя встречка? Проговорил я своим не сильно громким голосом.
- -A? Переспросил мой друг, сделав музыку потише. Не знаю, когда мы еще были на бетонных плитах.

-Странно, да? Мы вроде как на трассе в будни, да еще и к городу подъезжаем.

Друг не ответил, лишь сильнее нахмурился. Он, конечно, тоже заметил этот нюанс. А теперь, как и я, обдумывал его сильнее прежнего. Музыку он громче не сделал, но прибавил скорости. А после мы увидели.

Мы увидели автомобиль в кювете, она лежала там на боку, мятая и брошенная. Двери были распахнуты и свисали над беспорядком, царящем в салоне.

- Ох нихераж себе! Воскликнул друг, а я лишь проследил взглядом, привстав на сидении.
- Ебать кто-то полетал! Бедолаги! Отозвался наконец я, сев в еще большей задумчивости обратно.

Дальше стало хуже. То тут, то там стояли машины на обочине, часть так же были в кювете, раскуроченные в страш-

ных авариях. Пару раз мы останавливались и смотрели место происшествия, но тел не находили, только следы буйства чрезвычайного происшествия и моря запекшейся крови.

— Гле ж. блять, хоть одно оцепление! Обычно ЛПС или

- Где ж, блять, хоть одно оцепление! Обычно ДПС или дорожники выставляют их!?
- Да я чуть не влетел же, пытаясь объехать битое стекло и обломки!
  - Да! Я видел!

Тем не менее мы продолжили путь. И уже у села, что было ближе всего к нашему городу мы остановились на совсем.

Рядом с попутной машиной, что обогнала нас еще на «штанах» – так назывались те две раздельные двухполосные дороги, по которым мы прежде ехали.

– Вы видали!? – не выдержал наконец немолодой мужчина, ужасаясь.

Мы же лишь поддакнули, не в состоянии выдавить из се-

бя и слова. Поселение было вымершим. Тут и там лежали тела, несколько аварий, пепелища пожаров. Стояли и скорые с телами мед персонала, стояли пожарные и полиция. И все были мертвы. Некоторые тела были изуродованы авариями, с другими рядом лежали собаки, что пробовали есть погибших и сами погибли. Были тут и мертвые птицы.

Давай домой. – Глухо рыкнул я, внутренне содрогаясь от страха.

И мы сели в машину и медленно поехали прочь. Объезжая тела и брошенные машины, выехали через речку «Зегра» из села и поехали медленно дальше. Все чаще нам попадались аварии, сгоревшие машины и мертвые тела. Вскоре мы доехали до города.

Все это напоминало кошмар. На въезде в город было еще больше погибших. Огромное количество машин на обочинах, некоторые брошены прямо на дороге. На заправке ктото так и не дошел до операторов. Кто-то разлил топливо, выронив пистолет, что выпал из бака.

выезде из города нам на встречу выехал настоящий броневик с сине-красными проблесковыми маячками. Он перегородил нам дорогу, издав полицейский гудок. Мы спокойно остановились перед ним, не зная как реагировать на таких

На «третьем светофоре» – перекрестке, что был почти на

К нам вышло двое вооруженных бойцов в форме OMOHа. Мы вышли на встречу. Один из них подошел к нам и осмотрел.

хранителей правопорядка.

Документы у вас при себе? – устало выдохнул он в защитную маску.

Мы молча, ошарашенные, достали каждый свои права. Передали сотруднику. Он посмотрел на документы, вернул

- нам.

   Местные, да? Ребята, у меня для вас очень плохие новости. Он вздохнул, потупился, как будто решая свой следую-
- щий шаг с осторожностью сапера. Тринадцать восемьдесят пять сорок. У нас тут двое местных. Вернулись. Проговорил в микрофон, включив рацию. Послышался ответ, но слов было не разобрать. Он лишь отвел взгляд, случайно уставившись на сгоревшую машину. Поднял глаза вверх. –
- Понял. Выполняю. Он передал нам документы, поправил лямки и еще недолго помялся.
- В общем... Кхм. Парни. Мне приказано объяснить вам, как обстоят дела. Начнем с того, что это теперь город-при-

зрак...